

Политическая лингвистика. 2024. № 3 (105).

Political Linguistics. 2024. No 3 (105).

УДК 81'42+81'27+551.583

ББК Ш105.51+Ш100.621+Д236.2

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Ван Е¹✉, Дин Литин²✉

^{1,2} Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай

¹ yewangchn@163.com ✉, <https://orcid.org/0000-0001-7897-4954>

² DLT0428@163.com ✉, <https://orcid.org/0009-0003-2221-400X>

Исследование борьбы за дискурсивное превосходство в международной климатической политике с точки зрения критического дискурс-анализа

АННОТАЦИЯ. Проблема изменения климата изначально относилась к проблемам экологической среды, но со временем эта тема стала ареной сложной политической «игры». Опираясь на концепции международной политической лингвистики и макротеорию критического дискурс-анализа Рут Водак, сочетая рационалистический подход (фактор власти) с концептуалистическим подходом (этические и интеллектуальные факторы), данное исследование пытается создать аналитическую основу, которая отражает происходящее на «передней сцене» публичной политики и «задней сцене» реальной политики. Основываясь на результатах проделанного исследования, можно сделать вывод о том, что дискурсивная «игра» в международной климатической политике включает в себя воздействие дискурса в вопросах углеродной этики, углеродных финансов и низкоуглеродных технологий. Дискурс в вопросах углеродной этики — это поверхностный слой, прикрывающий истинное положение вещей, а дискурс в вопросах углеродных финансов и низкоуглеродных технологий — это определяющая дальнейшее развитие событий. В качестве силы, формирующей определенный дискурс, выступает институционализируемая власть, в качестве средства воздействия — управление знаниями, распространяемые знания являются средой для исследовательского анализа. Данные факторы взаимодействуют на «передней сцене» и «задней сцене» и совместно способствуют развитию «игры» в международной климатической политике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международная климатическая политика, борьба за дискурсивное превосходство, критический дискурс-анализ, сфера публичной политики, дипломатический дискурс, стратегии климатической политики, изменение климата.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Ван Е, доктор гуманитарных наук, доцент института русского языка; исследователь Центра по изучению России; Даляньский университет иностранных языков; 116044, Китай, Далянь, Люйшуньское шоссе, 6; email: yewangchn@163.com.

Дин Литин, аспирантка института русского языка; Даляньский университет иностранных языков; 116044, Китай, Далянь, Люйшуньское шоссе, 6; email: DLT0428@163.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при финансовой поддержке научного проекта по теме «Конструирование дискурсивной власти в российской климатической политике» при поддержке Даляньского университета иностранных языков, номер объекта: 2022XJYB12.

本文系2022年度大连外国语大学科研基金项目“俄罗斯气候政治博弈的话语权建构研究”(项目编号: 2022XJYB12)的阶段性成果

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ван, Е. Исследование борьбы за дискурсивное превосходство в международной климатической политике с точки зрения критического дискурс-анализа / Ван Е, Дин Литин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 3 (105). — С. 209-217.

Wang Ye¹✉, Ding Liting²✉

^{1,2} Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China

¹ yewangchn@163.com ✉, <https://orcid.org/0000-0001-7897-4954>

² DLT0428@163.com ✉, <https://orcid.org/0009-0003-2221-400X>

Struggle for Discursive Dominance in the International Climate Politics from the Perspective of Critical Discourse Analysis

ABSTRACT. Climate change was originally an environmental issue, but this issue has gradually evolved into a complex political “game”. Drawing on the concepts of international political linguistics and the macro theory of Ruth Wodak's critical discourse analysis, and by combining the rationalist approach (power factor) with the conceptualist approach (ethical and intellectual factors), this article tries to create an analytical framework that would reflect the “frontstage” events of the public politics and the “backstage” ones of the real politics. As a result of the present investigation, the article concludes that the discursive “game” in the international climate politics includes the impact of the discourse on the issues of carbon ethics, carbon finance and low-carbon technologies. The carbon ethics discourse is the surface layer covering the real state of things, while the discourse on the issues of carbon finance and low-carbon technologies makes up the core determining the future course of events. The institutionalized power functions as a force forming a certain discourse; the knowledge control

© Ван Е, Дин Литин, 2024

acts as a means of manipulation; and the disseminated knowledge presents an environment for research analysis. These factors interact on the “front stage” and the “back stage” and facilitate the development of the “game” in the international climate politics.

KEYWORDS: *international climate politics, struggle for discursive dominance, critical discourse analysis, sphere of public politics, diplomatic discourse, strategies of climate politics, climate change.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Wang Ye, Doctor of Literature, Associate Professor, School of Russian Studies, Researcher of Center for Russian Studies; Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.*

Ding Liting, Post-Graduate student of the Russian Language Institute; Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.

ACKNOWLEDGMENTS. The study has been financially supported by Research Project of Dalian University of Foreign Languages “Research on the construction of discourse power in Russia's climate politics” (Project No. 2022XJYB12).

FOR CITATION: *Wang Ye, Ding Liting. (2024). Struggle for Discursive Dominance in the International Climate Politics from the Perspective of Critical Discourse Analysis. In Political Linguistics. No 3 (105), pp. 209-217. (In Russ.).*

1. ВВЕДЕНИЕ

С момента подписания «Рамочной конвенции ООН об изменении климата» (РКИК) климатическая политика (также известная как «углеродная политика») стала актуальным вопросом, привлекающим большое внимание, а так называемая «деятельность», направленная на сокращение выбросов углерода и получение права на экономическое развитие, неуклонно приобретает черты игры. В соответствии с текущим состоянием исследований в области международных отношений, нужно отметить, что часть исследований климатической политики сосредоточена на политической ситуации, при этом уделяется особое внимание направлению климатической политики разных стран и стратегиям управления климатом, позиции и мотивации стран на переговорах по вопросам климата, а также влиянию негосударственных субъектов в климатической политике [Чжуан Гуйян, Бо Фань, Чжан Цзин 2018; Чжао Бинь 2018; Дун Ифань 2020]. В другой части исследований используется системная методология с более четкими основами исследования проблемы, которая рассматривается с точки зрения двух основных подходов: рационализма и концептуализма. Рационализм фокусируется на материальных факторах, таких как власть, прибыль и капитал [Се Лайхуй 2016; Чжай Даюй, Сюй Юе 2020], в то время как концептуализм уделяет основное внимание роли нематериальных факторов, таких как идентичность, познание и этика в климатической политике [Сяо Ланьлань 2013; Ци Линь 2017; Юй Бовэнь 2019]. Изучение климатической политики в области международных отношений позволило получить богатый научный опыт, однако простая дихотомия между рационализмом и концептуализмом не позволяет в полной мере описать суть «игры» в климатическую политику. Некоторые ученые пытались преодолеть ограничения исследовательской парадигмы и учесть как рационалистические,

так и концептуалистские факторы, но четкой теоретической основы для подобного анализа пока не выработано.

Текущее состояние исследований в лингвистической области таково, что позволяет нам утверждать, что все исследования по политическому дискурсу о климате в основном сосредоточены на обсуждении трех проблем, а именно: проблема метафор и формирования идентичности [Вэн Цинцин 2013; Сюй Сяоцзюнь 2015; Цинь Чжипэн 2022], проблема образа государства [Янь Япин 2018; Цинь Цзин 2018] и проблема дискурсивной силы в климатической дипломатии [Фань Вэй 2012; Ма Лэй 2014; Дин Цзиньгуан, Бао Цинсян 2014]. Исследования по вопросам климата в лингвистической области в рамках политического дискурса в основном затрагивают лингвистические проблемы в текстах, касающихся климатической политики, с акцентом на «язык в политике», а не с акцентом «политики в языке» [Пэн Вэньчжао 2017]. Хотя некоторые исследователи применяют методы критического дискурс-анализа и другие методы исследования, однако эти работы имеют очень опосредованное отношение к анализу политических явлений и практик. Это приводит к тому, что нормальная форма критического дискурс-анализа чаще всего ограничивается анализом на микроуровне инструментов (т. е. методов), игнорируя макрокритический угол зрения (т. е. методологию).

Учитывая это, в данном исследовании путем соединения концепций международной политической лингвистики и критического дискурс-анализа Рут Водак делается попытка, объединяя факторы власти, на которых акцентирует внимание рационализм, и факторы этики и знания, на которых сосредотачивает внимание концептуализм, создать аналитическую основу представления международной климатической политики, в центре которой находятся дискурс, знание и власть, чтобы более системно проиллюстрировать сложную

ситуацию и конкретные механизмы действия в климатической политической «игре». Данное исследование направлено на улучшение теоретической основы методов анализа климатической политической «игры» и на расширение возможностей применения критического дискурс-анализа в международных политических вопросах.

2. БАЗОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ «ИГРЫ» В МЕЖДУНАРОДНОЙ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

В политической «игре» по вопросам климата распределение пространства для выбросов углекислого газа связано с многочисленными экономическими и политическими интересами, поэтому все страны стремятся повысить свое международное влияние и получить больше прав на установление международной повестки и разработку правил в ходе климатических переговоров, что также известно как «борьба за дискурсивное превосходство в международной климатической политике».

Понятия «передняя сцена» и «задняя сцена» заимствованы из теории социальной драматургии Ирвинга Гофмана. По мнению Рут Водак (2019), в сфере международных отношений наиболее важными языковыми стилями на «передней сцене» климатической политики являются политические языковые стили, такие как речи во время госу-

дарственных визитов, инаугурационные речи, выступления на заседаниях международных организаций и т. д. Их цель — убедить аудиторию, направить общественное мнение и заставить поверить в «добрые» намерения государства, чтобы рационально объяснить свое поведение и легче достичь желаемого. Иными словами, это одна из форм создания хорошего имиджа политика. «Задняя сцена» международной политики подразумевает «коридорную» политику в узком смысле, а в более широком смысле — все виды неопубликованной информации и скрытой за ней неизвестной информации. По сути, «задняя сцена» — это реальность международной политики. В современной практике климатической политики, даже если одна страна может создать положительный имидж и завоевать широкую поддержку с помощью определенного дискурса, она не может полностью скрыть все свои действия. Сравнивая «слова» и «действия» страны, всегда можно узнать, существует ли «задняя сцена».

Принимая во внимание ситуацию в области международной климатической политики, в данном исследовании предпринята попытка расширить теорию Рут Водак в сфере международной политики и создать основу для анализа состояния международной климатической политики, в центре которой находятся дискурс, знание и власть (схема на рис. 1).

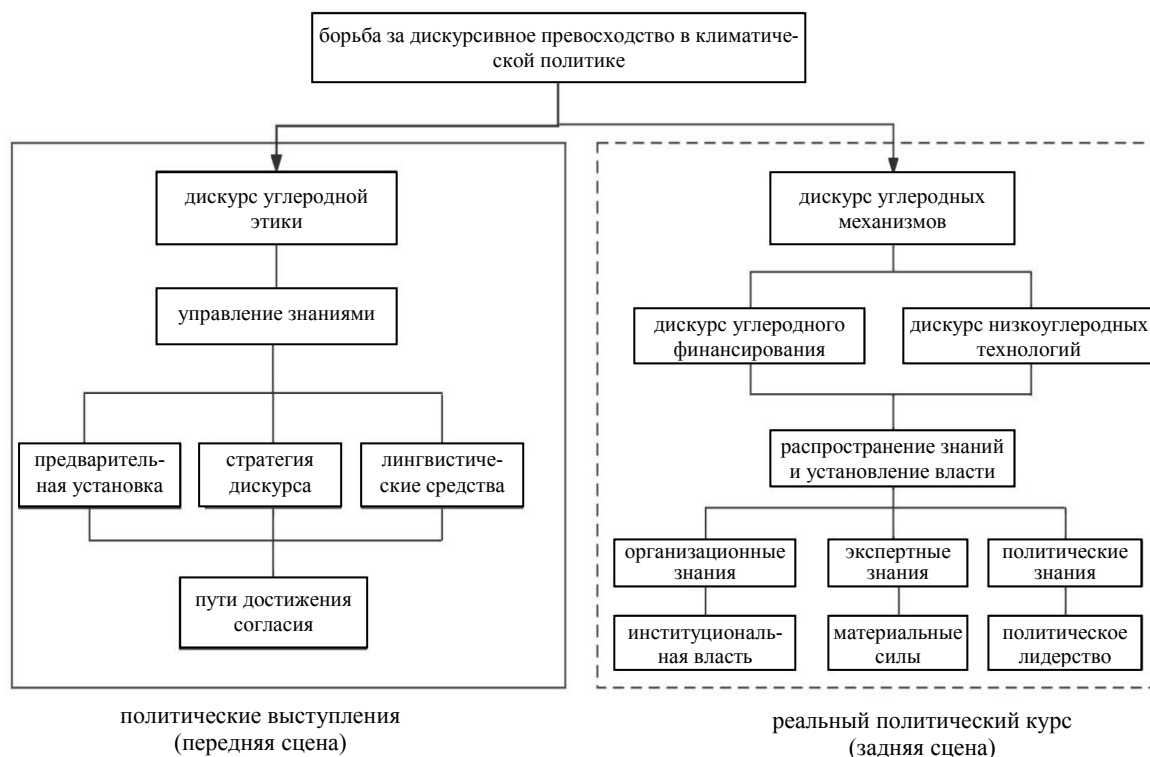

Рис. 1. Теоретическая основа анализа исследования

В данном исследовании используются классификация и определение типов знаний, предложенных Рут Водак, а именно: организационные знания, экспертные знания и политические знания [Рут Водак 2019]. Под «организационными знаниями» в международной политике понимаются общие знания об интернациональных событиях, общие знания об интернациональных правилах и обычаях. Потребность в научной информации в дипломатической практике не только означает способность получать большое количество высококачественной научной информации, но и использовать эту информацию в процессе переговоров и принятия решений [Manjana Milkoreit 2014]. Это требует от страны получения и разработки научных знаний в определенной области, которые могут поддержать ее позицию в процессе участия в международной политике, то есть «экспертные знания». Термин «политические знания» означает способность страны выступать, вести переговоры и дебаты посредством управления знаниями. Эффективное управление знаниями способствует усилению убедительности в политических выступлениях и помогает определенными последовательными путями достичь согласия. Подход к управлению знаниями, предложенный Рут Водак, включает в себя предварительную установку, стратегию дискурса и лингвистические средства.

Внутренняя логика дискурса, знаний и власти составляет теоретическую основу анализа данного исследования. Для того чтобы системно объяснить логику взаимодействия поверхностных и глубинных слоев климатической политики, тема предварительной установки в подходе к управлению знаниями включается в «переднюю сцену», уделяется большее внимание связям между макролингвистическими элементами и политическими явлениями, опускается текстуальный анализ на микроуровне и проводится детальный анализ распространения знаний и установления власти на «задней сцене».

3. «ПЕРЕДНЯЯ СЦЕНА» В «ИГРЕ» МЕЖДУНАРОДНОЙ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: БОРЬБА ЗА ДИСКУРСИВНОЕ ПРЕВОСХОДСТВО В УГЛЕРОДНОЙ ЭТИКЕ

Международная политическая «игра» в области климата обусловлена не только различными интересами, но и отсутствием международной экологической этики. Разные страны придерживаются различных моральных стандартов при решении климатических проблем. В результате конкуренция за моральное превосходство в области климатической политики — это борьба за дискурсивное

превосходство в углеродной этике, которая проявляется в «игре» во время переговоров по вопросам климата между телеологической этикой развитых стран и деонтологической этикой развивающихся стран.

Согласно телеологической этике, развитые страны твердо верят в принцип «цель оправдывает средства», где поведение считается разумным и приемлемым, если его положительные последствия превышают отрицательные. Чтобы вызвать моральный резонанс на переговорах по климату, развитые страны внедрили эту телеологическую этику в практику управления знаниями, используя тему предварительной установки, стратегию дискурса и лингвистические средства для формирования представлений людей о климатических проблемах. Развитые страны часто используют темы предварительной установки, такие как «рациональный экономный человек», «историческая база», «общая ответственность».

В вопросе распределения углеродных квот первой темой предварительной установки, на которой строят позицию развитые страны, является «рациональный экономный человек». В соответствии с этой установкой, закон Парето (20 % усилий дают 80 % результата; а остальные 80 % усилий — только 20 % результата) становится основой для борьбы развитых стран за получение большего количества углеродных квот. Они думают, что страны, которые активно участвуют в сокращении выбросов или инвестируют в технологии, позволяющие сократить выбросы, должны быть вознаграждены за свои усилия. Вторая тема предварительной установки — «историческая база». В основе данной установки (также известной как «принцип дедушки») лежит идея о том, что объем сокращения выбросов для стран должен определяться на основе их объема исторических выбросов. Развитые страны начали свое развитие раньше, и их объем исторических выбросов, естественно, выше, чем у развивающихся стран, поэтому они должны получать большую долю выбросов. Последняя тема предварительной установки — это «общая ответственность». Предложенная тема выражает недовольство развитых стран распределением ответственности в изменении климата. Некоторые развивающиеся страны выбрасывают больше углеродного газа, чем развитые страны в целом, но от них не требуется равной ответственности за обязательное сокращение выбросов.

Развивающиеся страны считают, что даже если какое-то средство управления климатом может достичь конечной цели — снижения выбросов, но оно само по себе не-

справедливо, то оно не является морально обоснованным. Таким образом, обоснованность действия не зависит от мотивации и эффективности результата, а зависит от моральной стороны действия.

Руководствуясь деонтологической этикой, развивающиеся страны поддерживают свою позицию в переговорах путем трех установок: «загрязнитель платит», «равенство прав» и «всеобщая, но дифференцированная ответственность».

Первая установка «загрязнитель платит» заключается в том, что развивающиеся страны настаивают на взыскании «экологического долга» с развитых стран. Как основные загрязнители атмосферы, развитые страны должны исправить ситуацию с глобальным потеплением, взять на себя историческую ответственность и большую долю в сокращении выбросов. Вторая установка «равенство прав»: необходимо проявить уважение к правам каждого человека, реализация индивидуальных прав не должна происходить за счет ущемления прав других. Право на выбросы углекислого газа — это право на развитие. Развитые страны за последние два века достигли быстрого прогресса за счет выбросов углекислого газа, но при этом ограничивают пространство для развития развивающихся стран. Суть установки равенства прав состоит в том, что гражданин каждой страны должен иметь равные права на выбросы углекислого газа и справедливое распределение не должно отличаться от страны к стране. Третья установка — «всеобщая, но дифференцированная ответственность». Несмотря на то, что и развивающиеся, и развитые страны обязаны сокращать выбросы углекислого газа в атмосферу, ввиду разницы в исторических этапах развития и в возможностях противостоять изменению климата, стратегии сокращения выбросов развивающихся и развитых стран должны иметь свои особенности. Основной задачей развивающихся стран является развитие, и уменьшение выбросов и стремление к развитию не должны противоречить друг другу.

Каждый раз, если на переговорах по вопросам климата происходит столкновение, оно всегда происходит в результате столкновения этих двух идеологий. Расплывчатые понятия, выражаемые в дискурсе, такие как *честность*, *справедливость*, *ответственность* и т. д., хотя могут создавать вдохновляющую атмосферу, но их практическая польза ограничена, и они неосознанно усиливают противостояние между двумя группами стран и служат прикрытием для более глубокой дискурсивной конкуренции на «задней сцене».

4. «ЗАДНЯЯ СЦЕНА» В «ИГРЕ» МЕЖДУНАРОДНОЙ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: БОРЬБА ЗА ДИСКУРСИВНОЕ ПРЕВОСХОДСТВО В ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ УГЛЕРОДНЫХ МЕХАНИЗМОВ

Несмотря на то, что на политической арене развитые страны в вопросах климата фиктивно пропагандируют свою климатическую этику, многие обязательства в рамках климатических переговоров так и не были выполнены, и глобальное ухудшение климата не было остановлено. Тем не менее энтузиазм развитых стран в отношении участия в международной климатической политике не уменьшается. Это показывает, что борьба за моральное превосходство — лишь поверхностное проявление «игры» с участием различных дискурсивных сил в области климатической политики, за которой скрывается более сложное соперничество между странами за свои права и интересы.

4.1. Борьба за дискурсивное превосходство в углеродных финансах с акцентом на валюты расчетов в углеродной торговле

Международная борьба за дискурсивное превосходство в вопросах применения углеродных механизмов в значительной степени сфокусирована на борьбе за дискурсивное превосходство в углеродных финансах, с акцентом на валюты расчетов в углеродной торговле, что определяется направлением развития международной валютной системы в современном мире: права на выброс углекислого газа могут послужить международной стандартной валютой и, как результат, спровоцировать изменения на мировом финансовом рынке. В рамках углеродной валютной системы местная валюта страны, имеющей право на выпуск углеродной валюты, несомненно, займет более выгодное положение, в то время как местная валюта стран, не имеющих права на выпуск углеродной валюты, станет относительно слабой из-за отсутствия углеродных торговых кредитов и столкнется с большими рисками под влиянием колебаний курса главной валюты. Одним словом, валютная конкуренция в современном мире стимулирует развитие климатической политики, и дискурсивная «игра» с правами на углеродные финансы имеет первостепенное практическое значение в рамках системы дискурса выбросов углекислого газа.

После Второй мировой войны гегемония доллара США привела к монополии США в области финансов, которая продолжается до сих пор, однако в сфере выбросов угле-

кислого газа финансовая гегемония США уже начала подвергаться ударам со стороны других развитых и развивающихся стран.

С одной стороны, основная международная валюта для торговли выбросами углекислого газа и других парниковых газов сменилась с доллара США на евро. С точки зрения развития рынка, евро не только превосходит доллар США по объемам сделок, но и имеет преимущество по стоимости сделок на рынке торговли выбросами углекислого газа и других парниковых газов. По сравнению с региональным рынком торговли в США, рынок торговли в ЕС является более зрелым и интегрированным. Кроме того, готовность к лидерству и преемственность политики в ЕС в области климатической политики значительно сильнее, чем в Америке, где царит ожесточенная партийная борьба. Исходя из таких факторов, как доля государственной валюты на рынке, состояние развития финансового рынка и готовность правительства принимать конкретные меры, можно увидеть, что доля евро в международной торговле выбросами углекислого газа и других парниковых газов была выше, чем доля доллара США, и именно евро сформировало конкурентное преимущество в ценообразовании. Помимо евро, доля японской иены и британского фунта стерлингов в международной торговле выбросами углекислого газа и других парниковых газов также представляет угрозу для доллара США.

С другой стороны, развивающиеся страны становятся всё более заметными на мировой политической сцене. Развивающиеся державы, например Китай, пытаются повысить роль местных валют в системе рынка торговли выбросами углекислого газа и других парниковых газов. Благодаря огромному масштабу рынка, всё более прочным источникам финансирования и хорошим перспективам развития Китай, вероятно, станет мощным игроком в глобальном механизме ценообразования на углерод. Кроме того, рупия, рубль и другие валюты также занимают определенную долю на рынке торговли квотами на выбросы углекислого газа. Это показывает, что валюты развивающихся держав имеют место на международном рынке. Благодаря соединению региональных углеродных рынков, постепенному формированию институциональной основы международного углеродного рынка, можно прогнозировать явные сокращения выбросов. В будущем, будь то формирование глобального единого углеродного рынка или глобального многостороннего углеродного рынка с участием многих стран, международная систе-

ма торговли выбросами углекислого газа и других парниковых газов станет важным местом взаимодействия между странами.

4.2. Борьба за дискурсивное превосходство в низкоуглеродных технологиях, с акцентом на энергосбережение и сокращение выбросов

Борьба за дискурсивное превосходство в низкоуглеродных технологиях, с акцентом на энергосбережение и сокращение выбросов, — еще одна важная область дискурсивной игры в рамках применения углеродных механизмов, и ее суть заключается в разработке международных стандартов и отраслевых норм для технологий энергосбережения и сокращения выбросов. На фоне низкоуглеродной экономики право на выброс углекислого газа тесно связано с технологией сокращения выбросов, овладение технологией позволит овладеть дискурсивной силой и инициативой экономического развития. В практике климатической политики «низкоуглеродные технологии» и «технологическая рациональность», отстаиваемые развитыми странами, по сути, являются громкими словами, направленными против развивающихся стран, за которыми стоит намерение получить экономические выгоды путем укрепления существующей системы международного разделения труда, что в реальности проявляется как барьер для «зеленой» торговли и барьер для низкоуглеродных технологий.

Международный стандарт ИСО 14067:2018 «Парниковые газы — Углеродный след продуктов — Требования и руководящие принципы для количественной оценки» обеспечивает институциональную поддержку «зеленых» торговых барьеров развитых стран. Если развивающиеся страны принимают понятие «низкоуглеродной экономики», им придется развивать технологии сокращения выбросов и новые энергетические технологии, а также принимать более строгие технические стандарты и отраслевые нормы для сокращения выбросов. Кроме того, развитые страны часто игнорируют уровень экономического развития и передачи технологий развивающихся стран на переговорах по климату, слепо пропагандируя так называемую «технологическую рациональность», утверждая, что новые технологии могут позволить развивающимся странам превзойти развитые страны. Принцип «научно-технического приоритета» отклонился от первоначально обозначенной линии переговоров и углубил пропасть между развитыми и развивающимися странами.

Развитые страны не только создали дискурсивные ловушки «низкоуглеродной эко-

номики» и «технологической рациональности», но и установили многочисленные технические барьеры, пытаясь заставить развивающиеся страны сталкиваться с «зелеными» торговыми барьерами и в то же время нести высокие затраты на передачу технологий, преследуя свои собственные интересы за счет права развивающихся стран на экологически чистое развитие. Несмотря на то, что Всемирная торговая организация разработала подробные правила для решения проблем торговых барьеров, их трудно напрямую применить в процессе передачи климатических технологий. На самом деле низкоуглеродные технические барьеры не только препятствуют процессу сокращения выбросов в развивающихся странах, но и снижают эффективность глобального управления климатом. Несмотря на то, что в Рамочной конвенции ООН об изменении климата, в Киотском протоколе, в Программе прорыва в Глазго и других соглашениях неоднократно подчеркивается, что развитые страны должны помогать развивающимся странам в области улучшения ситуации с климатом, в разработке и передаче технологических патентов, желание сотрудничества у развитых стран всё еще остается недостаточно сильным. Поэтому вопрос о низкоуглеродных технологиях по-прежнему остается вопросом противостояния различных стран в климатических переговорах.

5. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗНАНИЙ И УСТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ НА «ЗАДНЕЙ СЦЕНЕ»

Институциональная власть, материальные силы и политическое лидерство являются основой настоящей деятельности «за кулисами», то есть на «задней сцене» международной климатической политики. Они формируют доминирующий дискурс и структуру предоставления знаний в области выбросов углекислого газа, а также образуют внутренний механизм международной климатической политики.

Прежде всего, организационные знания представляют собой проявление действий институциональной власти в системе знаний. Конкретно говоря, предложение организационных знаний в области климатической политики отражает влияние и силу государств в деятельности международных организаций. Поскольку правила, нормы и стандарты международного сообщества установлены в основном крупными странами, вступившими в международное сообщество раньше других, развитые страны, несомненно, занимают привилегированное положение в климатической политике, в то время как

развивающимся странам трудно получить справедливые права и выгоды в рамках установленных правил.

Кроме того, состояние специальных знаний напрямую отражает материальные силы. Низкоуглеродная наука и технологии опираются на прочный экономический фундамент, а накопленные специальные знания тесно связаны с капиталом, институтами и талантливыми разработками. Владение специальными знаниями в вопросах выброса углекислого газа крайне несбалансированно, и развитые страны имеют очевидные преимущества в этой сфере, а развивающиеся страны не могут сравниться с развитыми странами, поэтому им нелегко включить свои требования в повестку дня во время ведения переговоров по вопросам климата.

Наконец, уровень готовности предоставить специальные знания является проявлением способности страны участвовать в политических выступлениях, переговорах, дебатах и других мероприятиях по вопросам климата, что в основном отражает политическое лидерство страны. Относительный спад участия США в климатической политической «игре» объясняется недостаточным желанием по предоставлению специальных знаний, обусловленным часто меняющейся внутренней политикой. В то же время Европейский союз всегда демонстрировал готовность играть ведущую роль в решении климатических проблем, активно проводил климатическую политику, что позволило ему занимать ведущее положение в вопросах климата и, следовательно, в большей степени пользоваться доверием и правом голоса.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Международная политическая «игра» в области климата — это сложный процесс. Интерпретируя ее с точки зрения критического дискурс-анализа, можно прояснить сущность дискурсивного воздействия в вопросах углеродных финансов и низкоуглеродных технологий. Развивающиеся страны больше всего страдают от изменения климата, но развитые страны стремятся конкурировать за дискурсивное воздействие в климатической политике. Их дискурсивное воздействие основано на моральных нормах и этических представлениях, прикрывающих истинное положение вещей: борьбу за превосходство в климатических финансах и низкоуглеродных технологиях. В процессе перехода к углеродной нейтральности развивающимся странам следует сохранять ясный ум, четко видеть логику участия развитых стран в международной политике по вопросам климата, избегать попадания

в дискурсивные ловушки, а также активно участвовать в борьбе за дискурсивное воздействие, способное содействовать справедливому и честному развитию международной климатической политической системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Manjana, Milkoreit. *Science and Climate Change Diplomacy: Cognitive Limits and the Need to Reinvent Science Communication* / Manjana Milkoreit. — Text : unmediated // *Science Diplomacy: New Day or False Dawn* / S. Davis Lloy, Robert G. Patman (eds.). — Singapore : World Scientific Publishing, 2014. — 110 p.
2. 埃里克·波斯纳. 戴维·韦斯巴赫. 气候变化的正义. 李智. 张健 // 社会科学文献出版社. 2011年. 第10-11页. = Эрик Пернас. Справедливость в отношении изменения климата / Эрик Пернас, Дэвид Весбах ; перевод: Ли Чжи, Чжан Цзянь. — Издательство литературы по общественным наукам, 2011. — С. 10–11. — Текст : непосредственный.
3. 露丝·沃达克. 话语、政治、日常生活. 黄敏. 田海龙 // 杭州: 浙江大学出版社. 2019年. = Рут Водак. Дискурс, политика, повседневная жизнь / Рут Водак ; перевод: Хуан Минь, Тянь Хайлун. — Ханчжоу : Изд-во Чжэцзянского университета, 2019. — Текст : непосредственный.
4. 庄贵阳. 薄凡. 张靖. 中国在全球气候治理中的角色定位与战略选择 // 世界经济与政治. 2018年. 第4期. 第4-27页. = Чжуан Гуйян. Роль и стратегический выбор Китая в глобальном управлении / Чжуан Гуйян, Бо Фань, Чжан Цзин. — Текст : непосредственный // *Мировая экономика и политика*. — 2018. — No 4. — С. 4–27.
5. 赵斌. 全球气候政治的群体化: 一项议程研究. // 中南大学学报. 2018年. 第5期. 第138-146页. = Чжао Бинь. Группировки в глобальной климатической политике: программа исследований / Чжао Бинь. — Текст : непосредственный // *Журнал Центрального Южного университета (Чунцин)*. — 2018. — No 5. — С. 138–146.
6. 董一凡. 试析欧盟绿色新政 // 现代国际关系. 2020年. 第9期. 第41-48页. = Дун Ифань. Анализ Нового зеленого курса ЕС / Дун Ифань. — Текст : непосредственный // *Современные международные отношения*. — 2020. — No 9. — С. 41–48.
7. 谢来辉. 碳排放: 一种新的权力来源—全球气候治理中的排放权力 // 世界经济与政治. 2016年. 第9期. 第64-89页. = Се Лайхуй. Выброс углерода как новый источник власти? Право на выброс углерода в глобальном климатическом управлении / Се Лайхуй. — Текст : непосредственный // *Мировая экономика и политика*. — 2016. — No 9. — С. 64–89.
8. 翟大宇. 许悦. 国际气候政治中的负外部性权力及其影响 // 北京科技大学学报. 2020年. 第4期. 第71-78页. = Чжай Даюй. Влияние отрицательной внешней силы в международной климатической политике / Чжай Даюй, Стой Юе. — Текст : непосредственный // *Журнал Пекинского университета науки и технологии*. — 2020. — No 4. — С. 7–11.
9. 肖兰兰. 中国在国际气候谈判中的身份定位及其对国际气候制度的建构 // 太平洋学报. 2013年. 第2期. 第69-78页. = Сяо Ланьлань. Изменения идентичности Китая на международных переговорах по климату и его роль в конструировании климатического режима / Сяо Ланьлань. — Текст : непосредственный // *Журнал Тай Пин Ян*. — 2013. — No 2. — С. 69–78.
10. 齐琳. 气候伦理引导气候谈判的可行性及原则 // 国际论坛. 2017年. 第1期. 第7-13页. = Ци Линь. Возможности и принципы переговоров по климату, руководствуясь климатической этикой / Ци Линь. — Текст : непосредственный // *Международный форум*. — 2017. — No 1. — С. 7–13.
11. 余博闻. 认知演化与全球气候治理的变革 // 世界经济与政治. 2019年. 第12期. 第101-133页. = Юй Бовэнь. Когнитивная эволюция и трансформация глобального управления климатом / Юй Бовэнь. — Текст : непосредственный // *Мировая экономика и политика*. — 2019. — No 12. — С. 101–133.

12. 翁青青. 政治话语中的隐喻和身份构建: 以英国、加拿大、中国在德班气候大会上的发言为例 // 国际新闻界. 2013年. 第8期. 第26-36页. = Вэн Цинцин. Метафоры и конструирование идентичности в политическом дискурсе: на примере выступлений Великобритании, Канады и Китая на конференции по климату в Дурбане / Вэн Цинцин. — Текст : непосредственный // *Журнал Ичуньского колледжа*. — 2013. — No 8. — С. 26–36.

13. 徐晓军. 气候外交中的国家身份建构—以美国、欧盟、中国在华沙联合国气候大会上的发言为例 // 黑河学刊. 2015年. 第7期. 第58-59页. = Сюй Сяоцзюнь. Конструирование национальной идентичности в климатической дипломатии — на примере выступлений США, Европейского союза и Китая на Конференции ООН по климату в Варшаве / Сюй Сяоцзюнь. — Текст : непосредственный // *Журнал Хэйхэ*. — 2015. — No 7. — С. 58–59.

14. 秦志鹏. 中日韩气候外交话语的隐喻与身份建构—以联合国气候变化大会发言为例 (2009-2020). // 广东外语外贸大学. 2022年. = Цинь Чжипэн. Метафора и конструирование идентичности в дискурсе климатической дипломатии в Китае, Японии и Южной Корее — анализ выступлений на Конференции Организации Объединенных Наций по изменению климата (2009–2020) / Цинь Чжипэн. — Гуандунский университет иностранных исследований, 2022. — Текст : непосредственный.

15. 闫亚平. 中国气候外交新形象的话语构建 // 宜春学院学报. 2018年. 第10期. 第86-91页. = Янь Япин. О создании нового образа климатической дипломатии Китая / Янь Япин. — Текст : непосредственный // *Журнал Ичуньского колледжа*. — 2018. — No 10. — С. 86–91.

16. 秦静. 国外纸媒涉华气候变化报道中的中国国家形象研究 (2007-2017). // 华东师范大学. 2018年. = Цинь Цзин. Исследование национального имиджа Китая в зарубежных бумажных СМИ об изменении климата (2007–2017) / Цинь Цзин. — Восточно-Китайский нормальный университет (ECNU), 2018. — Текст : непосредственный.

17. 范为. 中国气候外交的话语权问题研究 // 吉林大学. 2012年. = Фань Вэй. Исследование о дискурсивной силе Китая в климатической дипломатии / Фань Вэй. — Цзилиньский университет, 2012. — Текст : непосредственный.

18. 马磊. 浅谈气候外交下的中国话语策略 // 佳木斯教育学院学报. 2014年. 第2期. 第32-33页. = Ма Лэй. О стратегиях дискурса Китая в климатической дипломатии / Ма Лэй. — 2014. — No 2. — С. 32–33. — Текст : непосредственный.

19. 丁金光. 鲍庆祥. 中国在气候外交中的话语困境及提升路径 // 人民论坛. 2014年. 第34期. 第236-238页. = Дин Цзиньгуан. Дилемма дискурса и путь к совершенствованию Китая в климатической дипломатии / Дин Цзиньгуан, Бао Цинсян. — Текст : непосредственный // *Народный форум*. — 2014. — No 34. — С. 236–238.

20. 彭文钊. 哲学阐释学视域下的政治语言学: 哲学基础、语言观与政治观问题 // 外语与外语教学. 2017年. 第4期. 第26-37页. = Пэн Вэньчжао. Философская фундакция, лингвистические и политические взгляды на политическую лингвистику с точки зрения философской герменевтики / Пэн Вэньчжао. — Текст : непосредственный // *Иностранные языки и преподавание иностранных языков*. — 2017. — No 4. — С. 26–37.

21. 钱毓芳. 媒介话语研究的新视野: 一种基于语料库的批判话语分析 // 广西大学学报. 2010年. 第32期. 第80-84页. = Цянь Юйфан. Новые горизонты в изучении медиадискурса: критический дискурс-анализ на основе корпуса / Цянь Юйфан. — Текст : непосредственный // *Журнал Гуансийского университета*. — 2010. — No 32. — С. 80–84.

REFERENCES

1. Manjana Milkoreit (2014). *Science and Climate Change Diplomacy: Cognitive Limits and the Need to Reinvent Science Communication*. Singapore: World Scientific Publishing, 110 p.
2. Erik Posner, David Weisbach (2011). *Qi hou bian hua de zheng yi* (Li Zhi, Zhang Jian (trans.)). She hui ke xue wen xian chu ban she.

3. Ruth Wodak (2019). *Hua yu, zheng zhi, ri chang sheng huo* (Huang Min, Tian Hailong (trans.)). Hang zhou:zhe jiang da xue chu ban she.
4. Zhuang Guiyang, Bo Fan, Zhang Jing (2018). Zhong guo zai quan qiu qi hou zhi li zhong de jue se ding wei yu zhan lue xuan ze. *Shi jie jing ji yu zheng zhi*, 4, 4–27.
5. Zhao Bin (2018). Quan qiu qi hou zheng zhi de qun ti hua: yi xiang yi cheng yan jiu. *Zhong nan da xue xue bao*, 5, 138–146.
6. Dong Yifan (2020). Shi xi ou meng lv se xin zheng. *Xian dai guo ji guan xi*, 9, 41–48.
7. Xie Laihui (2016). Tan pai fang: yi zhong xin de quan li lai yuan – quan qiu qi hou zhi li zhong de pai fang quan li. *Shi jie jing ji yu zheng zhi*, 9, 64–89.
8. Zhai Dayu, Xu Yue (2020). Guo ji qi hou zheng zhi zhong de fu wai bu xing quan li ji qi ying xiang. *Bei jing ke ji da xue xue bao*, 4, 4–27.
9. Xiao Lanlan (2013). Zhong guo zai guo ji qi hou tan pan zhong de shen fen ding wei ji qi dui guo ji qi hou zhi du de gou jian. *Tai ping yang xue bao*, 2, 69–78.
10. Qi Lin (2017). Qi hou lun li yin dao qi hou tan pan de ke xing xing ji yuan ze. *Guo ji lun tan*, 1, 7–13.
11. Yu Bowen (2018). Ren zhi yan hua yu quan qiu qi hou zhi li de bian ge. *Shi jie jing ji yu zheng zhi*, 12, 101–133.
12. Weng Qingqing (2013). Zheng zhi hua yu zhong de yin yu he shen fen gou jian: yi ying guo, jia na da, zhong guo zai de ban qi hou da hui shang de fa yan wei li. *Guo ji xin wen jie*, 8, 26–36.
13. Xu Xiaojun (2015). Qi hou wai jiao zhong de guo jia shen fen jian gou – yi mei guo, ou meng, zhong guo zai hua sha lian he guo qi hou da hui shang de fa yan wei li. *Hei he xue kan*, 7, 58–59.
14. Qin Zhipeng (2022). *Zhong ri han qi hou wai jiao hua yu de yin yu yu shen fen gou jian – yi lian he guo qi hou bian hua da hui fa yan wei li (2009–2020)*. Guang dong wai yu wai mao da xue.
15. Yan Yaping (2018). Zhong guo qi gou wai jiao xin xing xiang de hua yu gou jian. *Yi chun xue yuan xue bao*, 10, 86–91.
16. Qin Jing (2018). *Guo wai zhi mei she hua qi hou bian hua bao dao zhong de zhong guo guo jia xing xiang yan jiu (2007–2017)*. Hua dong shi fan da xue.
17. Fan Wei (2012). *Zhong guo qi hou wai jiao de hua yu quan wen ti yan jiu*. Ji lin da xue.
18. Ma Lei (2014). Qian tan qi hou wai jiao xia de zhong guo hua yu ce lue. *Jia mu si jiao yu xue yuan xue bao*, 2, 32–33.
19. Ding Jinguang, Bao Qingxiang (2014). Zhong guo zai qi hou wai jiao zhong de hua yu kun jing ji ti sheng lu jing. *Ren min lun tan*, 34, 236–238.
20. Peng Wenzhao (2017). Zhe xue chan shi xue shi yu xia de zheng zhi yu yan xue: zhe xue ji chu, yu yan guan yu zheng zhi wen ti. *Wai yu yu wai yu jiao xue*, 4, 26–37.
21. Qian Yufang (2010). Mei jie hua yu yan jiu de xin shi ye: yi zhong ji yu yu liao ku de pi ping hua yu fen xi. *Guang xi da xue xue bao*, 32, 80–84.